

ГЕНЕЗИС ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА

Б.А. Камкия

Сочинский институт

Российского университета дружбы народов

Аннотация: В статье рассматривается генезис проблемы политического контекста на основе изучения предпосылок и причин, актуализировавших данную проблему в политической науке 1960–1990-х гг. Раскрывается недостаточность модернистского подхода в исследовании политического поведения, который не позволил понять множественность способов политического мышления и действия. Автор утверждает, что сравнительная политология за счёт выдвигания контекста на первый план стала более адекватной для решения проблем развития демократии и политической теории. Отсутствие внимания политологов к контексту не позволило предсказать окончание холодной войны и развал Советского Союза. В настоящее время политология не владеет политической теорией, которая позволяет осуществить успешную внутреннюю и внешнюю политику государства.

Ключевые слова: социальный контекст, социальные связи, политический контекст, политическое поведение, политическая теория, сравнительная политология, западная советология и политология.

Проблема политического контекста возникала в политической науке при анализе политического поведения, сравнительной политологии и международных отношений.

Анализ политического поведения

Постановка проблемы связана с разработкой понятий *социальный контекст* и *социальные связи* при изучении электорального поведения. Это изучение сосредоточено на социальных условиях и совокупности отношений между гражданами. Указанные два фактора образуют различные способы понимания природы воздействия социальной структуры на политику. Социальные условия влияют на взаимодействие внутри и вне социальных групп, в том числе на поток политической информации. Социальные условия определяются как состав среды. Среда определяется по разным основаниям (семья, соседи, социальные и профессиональные группы, конфессия, регион, страна). Виды среды выделяются по географическим и социальным признакам.

Так понятия условия не создаются по желанию индивида и недоступны его контролю. Люди вынуждены ставить себя в одни и избегать других условий. Решения людей о принадлежности к данным условиям мотивируются социальными, политическими и экономическими критериями. Если индивид уже оказался в определённых условиях, то для их изменения ему надо прилагать усилия. Поэтому большинство людей принимает сложившиеся условия как данность. В результате исключается свободный выбор, условия воспринимаются как внешние по отношению к индивиду.

Исключение свободного выбора и акцент на контекст возникает при следующих обстоятельствах: когда речь идёт о больших массах людей; когда политические мотивы в пользу принадлежности не являются адекватными; когда воздействие условий сопряжено с динамическим процессом; когда оно привязано к социальному или политическому конфликту. Во всех указанных случаях действует сложный механизм влияния. Кратко его рассмотрим.

В 1960–1980-е гг. были проведены конкретно-социологические исследования влияния политической культуры на структуру политических объединений и поведение избирателей. В этих работах был подвергнут критике распространённый тезис о свободе выбора и сделан вывод: расселение людей по определённым местностям (районам, областям, регионам) не связано с политическими причинами. Чем больше группа, тем меньше вероятность того, что политический выбор её членов сделан на основе социальных условий.

Во-вторых, на электоральные кампании влияет фактор времени. Его влияние меняется в зависимости от группы и определяется в терминах индивидуальных характеристик. Динамические формулировки трудно перевести на язык свободного выбора.

В-третьих, если влияние условий коренится в социальной и политической вражде одной группы к другой, то свободный выбор мало вероятен. В таком случае политическое поведение предсказуемо на основе социальных условий.

Наконец, более сложные разновидности влияния условий тоже подрывают тезис о свободе выбора. При анализе воздействия социальной среды на политическое поведение была открыта взаимозависимость между поведением и информацией. Это поставило под вопрос социальный детерминизм. Среда влияет на поведение через потребление информации и взаимозависимое поведение индивидов. Поэтому политологи отказались от использования понятия *референтная группа* в качестве объяснительного принципа.

Короче говоря, спор о свободе выбора касается влияния на поведение индивида цели, его предпочтений и независимых структурных факторов. Полное описание влияния социальной среды позволяет согласовать индивидуальную цель с внешним влиянием социальной структуры. Для такого объяснения требуется учёт взаимного влияния социальных условий, социальных связей и граждан, преследующих политические цели.

Стало быть, политический выбор зависит от социального контекста жизни индивидов. Люди выбирают одну и избегают другой среды, поэтому выбор невозможно объяснить без соотнесения индивида и среды.

Структура социальных условий является внешней по отношению к индивиду и результатом индивидуального выбора. В большинстве случаев индивиды не могут контролировать все политические и социальные составляющие среды, зато могут контролировать *социальные связи* — сеть собственных контактов. Социальные условия ограничивают индивидов, которые вынуждены делать выбор одного из членов альтернатив, навязанных средой. Такие ограничения нередко подавляют индивидуальный выбор¹.

¹ В 1960–1970-е гг. на автомобильных заводах в Детройте были проведены исследования, посвящённые взаимосвязи политического поведения и места работы. Среди рабочих преобладали демократы. Но демократическое большинство отличалось расплывчатыми представлениями об образцах социального взаимодействия и общения. Республиканское меньшинство было замкнуто и объединено в группы друзей, служившие «защитной средой для людей, политически отклоняющихся от нормы». Таким образом, члены меньшинства своими политическими предпочтениями повлияли на социальные условия, создав сеть социальных и политических отноше-

Социальные связи возникают в результате соединения навязанных внешних социальных условий и внутренних предпочтений граждан. На этом уровне социальная структура не определяет ситуацию, но и не является лишь результатом индивидуальных предпочтений. При создании связей на индивидуальный выбор влияют обстоятельства, при которых меньшинства склонны создавать связи внутри уже сложившихся групп. Люди не принимают любую политическую информацию со стороны, но они не в состоянии полностью избежать влияния на них потока информации.

В классической работе Э. Даунса показано, что люди стремятся сбить цену на информацию, потребляя такие её источники, которые совпадают с их собственными политическими предпочтениями. Такое поведение зависит от их опыта, внимательности, принадлежности к большинству или меньшинству. Отсюда вытекает, что более грамотные с политической точки зрения граждане стремятся скорее получить предвзятую, чем объективную информацию. Граждане считают полезной только ту информацию, которая содержит откровенную политическую направленность.

Политические предпочтения не определяют выбор информации, поскольку они возникают в контексте поступающего из среды потока информации. Индивид не может контролировать все меню информации. Поэтому его потребность в ней соотнесена с тем, что дает ему среда. При этом важно учесть два момента: люди выбирают источники информации на основе личных предпочтений; личный набор информационных альтернатив отражает доступные индивиду источники. Люди не являются бездумными продуктами среды. Их мнения есть результат соединения поступающей из среды информации с их предшествующими ориентациями.

Установлено также, что индивидуальный выбор и поступающая из среды информация имеют вероятностный характер по причине политической неоднородности социальных условий. Даже в семье бывают политические разногласия. Значит, потребление политической информации и высказывания по её поводу отражают определённую склонность².

Вероятностная природа выбора объясняется рядом обстоятельств.

Индивиды формируют свои социальные отношения на основе различных предпочтений. Отношения по поводу информации не специализированы, поскольку индивиды обсуждают новости политики, спорта, погоды и т. п. с одними и теми же людьми. Но при этом индивиды ведут явный или скрытый поиск единомышленников³. Иначе говоря, реализация личных политических предпочтений в структуре социальных связей проблематична, особенно если в одном выборе надо отразить несколько предпочтений. Если люди вынуждены снижать издержки на потребление информации в соответствии со своими предпочтениями и желаниями, то контроль информационного потока неполон.

Индивиды дают информацию о себе независимо от собственных намерений, читая те или иные газеты, просматривая телепрограммы, прикалывая значки с партийной и иной по-

ний. Было проведено также исследование процесса создания политических и социальных связей во времени. В том числе проанализированы встречи людей как источник политической информации. Такая логика исследования учитывает как экзогенные предпочтения индивидов, так и ограничения, налагаемые структурой на социальные взаимодействия [Политическая наука... 1999: 243].

² Например, если сосед наклеил на автомобиль портрет Сталина и снабдил его надписями «Россия для русских» и «На Берлин!», то он: заявляет о своей верноподданности, а не гражданственности; не свободен от влияния современной государственной пропаганды России; указывает на свою косвенную принадлежность к членам или сторонникам КПРФ или ЛДПР.

³ «При прочих равных условиях рабочий-республиканец с автомобильного завода предпочтёт сидеть за обедом вместе с другим республиканцем, но при других обстоятельствах такого предпочтения он не сделает. Если эти два республиканца к тому же являются болельщиками „Чикагских Медведей“, возможно, они предпочтут избегать болельщиков „Детройтских Львов“, и им, пожалуй, будет трудно найти соседей по столу, разделяющих оба их предпочтения, особенно на автомобильном заводе в Детройте» [Политическая наука... 1999: 244].

литической символикой. Большинство единиц выставленной напоказ информации привносит среда.

Обычно выбор источников информации не является полным, поскольку лежащие в его основе предпочтения не подкреплены соответствующей информацией. У людей нередко нет никаких предпочтений и они не контролируют поступление информации, поскольку у них нет критерия для её отбора.

Указанные обстоятельства отражены в модели демократического гражданина. В ней сформулировано понятие стратегического актора для описания поведения индивида, действующего на основе своих целей, амбиций и потребностей. Эта модель в последние десятилетия широко используется в политической науке. Она базируется на следующих допущениях о гражданах: они обновляют свои оценки партий и политиков, пересматривая прошлый опыт; снижают информационные затраты, получая информацию от других граждан; снижают затраты на информацию с помощью аналитических приёмов или эвристических принципов, позволяющих достигнуть цели кратчайшим *путём*. В данной модели делается акцент на последствиях целенаправленных действий граждан и в то же время обеспечивается основание для эмпирической оценки. Вместо изучения причин, по которым индивиды являются отражением среды, контекста и групп, исследуется способ реализации целей и помехи на этом пути в заданном контексте времени, места и обстоятельств. Вместо квалификации поведения индивида как результата внутренних личностных факторов его политический выбор рассматривается во взаимосвязи с его окружением. Наряду с формированием предпочтений под влиянием поступающей извне информации происходит и обратный процесс: граждане воздействуют своими предпочтениями на среду с помощью личных критериев отбора информации. Политическая информация находится на пересечении индивидуальных целей граждан и источника информации, обусловленного средой.

Итак, анализ политического поведения по-новому ставит множество старых проблем, связанных с отношением между индивидом и средой. Чтобы понять несамостоятельных и неинформированных граждан, появилась новая модель гражданина. В ней индивид выступает как заинтересованный потребитель и толкователь политической информации. Такой человек избегает излишней поглощённости политикой. Конечным результатом стал более реалистичный взгляд на демократического гражданина — понимание граждан в контексте ограничений реального мира, которые производят сами граждане, выступая в роли собирателей и толкователей политической информации.

Второе направление генезиса проблемы контекста связано с применением концепта «модернизм» в исследовании политического поведения. Ж.-Ф. Лиотар предложил одно из распространённых определений модернизма: «Я буду использовать термин „модерн“ (т. е. „современный“) для обозначения любой науки, оправдывающей свое существование ссылкой на своего рода метадискурс, напрямую связанный с какой-либо крупной концепцией, такой, как диалектика духа, герменевтика значения, освобождение рациональности от действующего субъекта, или создание благополучия». Предположение о том, что электоральные исследования и работы по политическому поведению носят «модернистский» характер, может показаться неправдоподобным. В электоральном анализе трудно обнаружить отголоски гегельянства, марксистского исторического материализма, критики Хабермаса или метафизических идей. И все же они есть.

Исследования политического поведения базируются на определённой концепции. В ней период современности представляется как уникальны благодаря прогрессу демократизации, на материалах которого проведено большинство исследований политического поведения. С 1990 по 1995 год доля населения, проживающего в странах либеральной демократии, возросла с 130 млн. до 2,263 млн., а число либерально-демократических государств возросло с 4 до 40 и составило 39% всего населения земли [Политическая наука... 1999: 283]. На этом основании американские политические социологи разрабатывали такую методику исследования,

которая базировалась на послышке: демократизация – это составной элемент модернизации, рационализации и секуляризации общества и распространения «передовых» идей в культуре. В основе этой послышки лежало убеждение: электоральный анализ должен дать ключ к пониманию фундаментальных процессов новой политической эры.

Это убеждение породило ряд следствий:

1. Основной модернистской чертой большинства электоральных исследований было стремление к тотальному охвату исследуемого объекта. Мичиганская школа в США и Великобритания критиковала практику опросов по отдельным округам и предлагала вместо них проводить один общенациональный опрос, который позволит получить совокупность данных, свободных от местного контекста. Учёными этой школы разрабатывались крупные опросы, которые могли проводиться только единой командой, располагающей значительными ресурсами. Те, кто осуществлял контроль над этими проектами, становились могущественными академическими олигархами. В связи с этим возникла опасность того, что они будут доминировать в исследовании как собственники, или в качестве новых ортодоксов будут диктовать содержание вопросов. Накопленные данные анализировались так, будто они находились вне времени. Большинство таких исследований базировалось на убеждении: политический контекст всего периода «модерна» настолько однороден, что нет необходимости детально сопоставлять ответы респондентов и непосредственную политическую среду времени, в котором проводился опрос.

2. Главным мотивом всех исследований политического поведения до 1990-х годов был поиск единственного оптимального алгоритма принятия решений, с помощью которого можно охарактеризовать расстановку сил и поведение электората в целом. При любом анализе ведётся поиск ограниченного множества переменных, составляющих единое уравнение вне зависимости от их относительного влияния, которое объясняет большее разнообразие, чем иные переменные или уравнения. Во многих исследованиях номинальная заинтересованность в «теоретическом» понимании была быстро вытеснена. Анализ каузальных связей был отправлен в разряд маргинальных. Вместо него стали проводить простейшие компьютерные сравнения различных сочетаний возможных независимых переменных, которые с содержательной стороны анализировались минимально.

3. Все избиратели описывались как единое существо, обладающее антропоморфными чертами и абстрактным архетипом в отрыве от жизненного опыта реальных людей

4. Главным следствием тотального подхода в электоральных исследованиях стало исключение из анализа любых электоральных меньшинств⁴. В результате электоральные исследования постоянно сталкивались с ростом политически значимых расхождений и проблем (например, конфликт между государственным и частным сектором, этническая принадлежность, сексуальная ориентация, экологические вопросы) и не могли на них отреагировать.

⁴ Вначале исключались те категории избирателей, которые плохо вписывались в классификационные таблицы или требовали особой техники с применением дихотомических зависимых переменных. Например, в Великобритании из общего анализа исчезали следующие меньшинства: жители севера Ирландии, где партийная система отличается от основной партийной системы Британии; жители севера Шотландии, опрос которых стоит слишком дорого; респонденты, отказывающиеся отвечать на вопросы анкеты; респонденты, заявляющие об отказе от участия в выборах; избиратели всех «малых» партий — националистических партий в Шотландии и Уэльсе; избиратели, отдававшие голоса за Либеральную или Либерально-демократическую партии и составлявшие, начиная с 80-х годов более четверти всех избирателей. Электоральные исследования в Великобритании изображали дело так, словно избиратели голосуют только за две основные партии ещё долгое время, после того как это перестало соответствовать действительности выборов. Другие «меньшинства» испарялись из анализа благодаря ряду несложных действий: выведение единого архетипа избирателя — некоего существа мужского пола; определение занятий замужних женщин по мужу (тем самым создавался класс «домохозяек», состоящий исключительно из женщин); неточное определение особенностей социального положения людей [Политическая наука... 1999: 285].

5. Более фундаментальным следствием монистических тенденций электоральных исследований стала полная неразвитость методик, позволяющих установить, на основе каких алгоритмов голосуют различные группы избирателей в действительности.

Короче говоря, оперирование общими, оторванными от контекста данными и предвзятыми выводами о поведении избирателей привело к тому, что электоральный анализ не позволил понять множественность способов политического мышления и действия.

Все это привело к тому, что «...политическая социология и теория рационального выбора внесли свой вклад в упрочение отношений, связывающих исследования политического поведения с практическим политическим контролем и манипулятивными технологиями» [Политическая наука... 1999: 288]. Тем самым политическая наука стала похожей на «инженерную» модель научной деятельности, где истина связывается с практической возможностью манипулировать социальными силами и предсказывать поведение. Пренебрежение аналитиков к различным меньшинствам избирателей и сосредоточенность на количественном моделировании соответствуют целям контроля и успешно им служат. В данном случае политология не является чистой наукой, но используется для эффективного понимания тех сил, которые участвуют в борьбе за политическую власть. По существу, многие исследования политического поведения имеют перекося в сторону изучения системы. Они больше заинтересованы в понимании тех массовых политических явлений, которые являются условием изменения или сохранения институциональной власти, и меньше обращают внимание на явления, которые не оказывают значительного влияния на текущую расстановку сил.

Ещё одна модернистская черта исследований политического поведения — доверие к ложным дихотомиям. В этом кривом зеркале избиратели оказываются «рациональными» или экспрессивными, установки по проблемам либо «реальны», либо отсутствуют, акторы имеют «полную» информацию или не имеют её вообще, а действуют в чётко выделяемом «рыночном» или «политическом» контексте. Й. Шумпетер давно заметил: «Как только типичный гражданин попадает в политическую сферу, его умственный уровень падает. Он спорит и рассуждает в такой манере, которую сам бы назвал инфантильной в области своих реальных интересов. В политике он снова становится примитивным» [Шумпетер 1995: 262]. С учётом всего сказанного можно заключить, что эта констатация относится не только к избирателям, но и к политологам, которые вдохновляются концептом модернизма.

Модернистский характер исследований политического поведения выражается в следующем: широкой трактовке демократизации, слишком общих выводах, приоритете количественных исследований, монизме методов, маргинализации социальных меньшинств, поисках единого оптимального алгоритма решений, «инженерной» трактовке знаний, признании системной природы развития познания, поляризованных антиномиях.

Ещё одно направление генезиса проблемы контекста связано со сравнительной политологией [Политическая наука... 1999: 323–326]. В данной области знания единицами анализа и наблюдения являются страны или другие макросоциальные объекты. В то же время сравнительный анализ стремится сформулировать обобщения, которые были бы справедливы в любом контексте. В результате трудно избежать противоречия между специфическими для данной страны факторами и универсальными взаимосвязями. В работах 1950–1960-х гг. делался упор на универсальных взаимосвязях и глобальных сравнениях. С 1980-х гг. прослеживается тенденция отхода от общей теории за счёт выдвижения контекста на первый план.

Эта тенденция отражает рост влияния исторического исследования в социальных науках. Особенно это чувствуется в «исторической социологии». Она пытается постичь явления в широком или «целостном» контексте. Общие теории искусственно расчленяют объекты на элементы, которые можно затем сравнивать по странам, но они теряют первоначальную целостность. При этом целостное и глубинное понимание общей картины считается предпочтительнее обобщающего толкования частей. В определённом смысле обращение к изучению контекста можно рассматривать как результат усталости и разочарования. В начале 1960-х гг.

мир сравнительной политологии раздвинул границы. Компаративистам стали доступны данные по многим странам, возросло число объектов сравнения. Это привело к разработке дедуктивных моделей, подходящих для больших чисел. Убедительность выводов достигалась за счёт расширения базы данных, детализации объясняющих переменных, уточнения позиций, требующих объяснения. Увеличивалось число объектов и факторов изучения (таких, как политика, идеология, опыт правления), уточнялся набор факторов. В том же ключе выполнялись работы, стремившиеся оценить воздействие «политики» на результаты государственного управления. Для них характерен отбор максимально возможного числа государств. При этом способность объяснения возрастала за счёт повышения качества измерений и определений «политики», включающей партийную идеологию и политику, институциональные структуры, представительство групп интересов, измерений и определений «результатов» политики, включающих уровень государственных расходов, политический стиль, области управления. В любом случае задача состояла в объяснении явлений в общем ключе при одновременных попытках улучшить его за счёт постоянной модификации научного инструментария.

Но затем эта стратегия стала меняться из-за исчерпанности возможности увеличить число объясняемых различий: дальнейшее совершенствование различных моделей уже не содержало объясняющих эффектов. Например, теоретики «коалиций» чаще используют индуктивные модели и добиваются понимания общего политического контекста на общенациональном уровне, в котором происходят коалиционные игры. Те, кто пытаются объяснить результаты государственной политики, стремятся уйти в детальные исследования, учитывающие специфику конкретных случаев. Одним из основоположников нового направления компаративистики стал Ф. Каслс. Он отказался от общих дедуктивных моделей, в которых контекст не играл никакой роли или играл незначительную роль. Он ориентировался на культурную специфику и «традиции» различных стран, не поддающиеся чёткому количественному выражению, и на контекст политических явлений и процессов. В результате произошёл отход от обобщённых моделей и обращение к более глубокому осмыслению отдельных случаев или стран. Это предполагает оценку качественных данных и учёт контекста, специфики институциональных характеристик или особенностей политической культуры. Возрождается интерес к исследованиям конкретных региональных и национальных культур и конкретных институтов. В этом же направлении развивается «новый» институционализм.

Есть отличие нового «открытия» важности контекстов конкретной политики. Оно сыграло решающую роль в развитии сравнительной политологии. Первые компаративисты обращались к исследованию отдельных стран в период, когда политология находилась в стадии становления, а исследовательские центры имелись лишь в нескольких странах. Нынешний интерес к контексту последовал за стремительным расширением, интернационализацией и профессионализацией данной научной дисциплины. Раньше страноведы редко собирались вместе, чтобы обсудить применение общих гипотез к собранным в разных местах материалам. В 1980–1990-е гг. такой способ объединения усилий стал основой стратегии кросс-национальных исследовательских программ, имеющих региональную специфику. Это особенно верно в отношении сравнительной политологии, где наличие сходных систем образования и близких научных парадигм, а также развитие международных научных организаций (типа Европейского консорциума политических исследований) способствовали тому, что учёные-политологи начали говорить на более-менее общем научном языке. Благодаря совместной работе экспертов и сочетанию углублённого и более общего подхода оказывается возможным удовлетворительный, убедительный и детальный сравнительный анализ.

Итак, в результате деятельности международных организаций и сотрудничества учёных разных стран анализ, базирующийся на изучении конкретного объекта, адаптируется к обобщающим теориям и моделям, создавая мощный потенциал для связи традиционно различных подходов. Для нынешнего этапа развития сравнительной политологии характерно соедине-

ние и сотрудничество учёных, имеющих интерес к конкретным случаям и контексту. Этот способ сравнения больше подходит для решения проблем политической теории.

Сравнительная политология

Для учёта специфики контекста важное значение имеет анализ процессов перехода авторитарных режимов к демократии. Существует традиция сравнительного анализа этих проблем в Латинской Америке. Возникшие подходы затем были использованы при изучении политических процессов в Южной, Центральной и Восточной Европе, включая бывшие социалистические страны. Однако англо-американская политология не смогла предсказать прокатившуюся в 1990-е годы по странам бывшего советского блока волну демократизации. Даже используемые при этом ключевые понятия (крушение, либерализация, переход, консолидация, демократия) до сих пор остаются неопределёнными и допускают множество интерпретаций. Их смысл всегда надо уточнять в зависимости от контекста. Поиск идёт в трех основных направлениях: назначение концепций демократизации; уточнение смысла демократизации; описание основных требований к сравнительным исследованиям процессов демократизации. Кратко рассмотрим эти проблемы.

Назначение концепций демократизации возникало в контексте трех основных вопросов сравнительной политологии: для кого делаются, что представляют и как проводятся сравнительные политические исследования? В 1968 г. Г. Лассвелл опубликовал статью «Будущее сравнительного метода», в которой отмечал, что интерес к сравнительным исследованиям связан с международными конфликтами: испано-американская война дала импульс сравнительному исследованию мировой политики и колониализма; первая мировая война и большевистская революция в России стимулировали развитие европейских региональных исследований; вторая мировая война, начало «холодной войны» и развал колониальной системы привели к пересмотру всех исследовательских и учебных программ. Спрос на сравнительную информацию исходит от политических элит, которые надеются, что их положение упрочится по мере территориальных границ получаемой ими политической информации. При этом Лассвелл отмечал, что цивилизованные империи на стадиях расширения и упадка поощряют исследования по сравнительному государственному управлению. Революционные контрэлиты тоже проявляют интерес к сравнительному анализу политических институтов. Слабый интерес к сравнительным исследованиям политики Лассвелл связывал с недостаточным учётом контекста, нечёткой формулировкой проблем и нестрогой техникой сравнительного метода [Политическая наука... 1999: 346–347].

Четверть века спустя после выхода статьи Г. Лассвелла Л. Уайтхед предлагает пересмотреть его выводы по двум основным вопросам: кому предназначена сравнительная политология и как её создавать? В отличие от имперских элит и революционных контрэлит новые заказчики сравнительно-политических исследований более требовательны к контекстуальным особенностям страны. Новые заказчики появились на всем постсоветском пространстве. Здесь развёртываются процессы, которые более-менее соответствуют бывшим однопартийным государствам Африки и Латинской Америки:

1. Зависимость сравнительного анализа от различия языковой среды (испанской и английской). Это позволяет создавать неологизмы типа *демократура* (соединение понятий «democracia» и «dictatura») и *диктабланда* (под этим термином подразумевается жёсткая демократия или мягкая диктатура) и стимулирует обмен идеями между языковыми общинами, каждая из которых имеет собственные традиции политической теории и практики. Ключевые понятия «государство», «гражданское общество» и «правовое государство» получают различный смысл в каждой из этих двух культур.

2. Различие между имперскими элитами и новыми политическими группировками. Первые имеют доступ к централизованной государственной власти, которая выражает их ин-

тересы во внешней политике и защищает население от внешних угроз. Вторые имеют лишь условный доступ к непрочным инструментам государственной власти и сознают собственную уязвимость. Эти две группы выступают основными заказчиками сравнительно-политических исследований.

Заказчики первого типа требуют научно обоснованных выводов и прогнозов, которые могли бы помочь им осуществлять задуманное, не поднимая щекотливых вопросов нормативного характера. Заказчики второго типа более терпимы к неопределённости выводов и меньше надеются на научно апробированные политические предписания. Они склонны сочетать методологический позитивизм с аморальным и недемократичным стилем силовой политики.

Отсюда вытекает определённое отношение между политологами и заказчиками, типичное для процессов перехода от диктатуры к демократии. Если государственная власть опирается на силовые структуры, то она не относится серьёзно к критике по адресу собственной внутренней политики. Если власть является слабой, то она и остальные граждане подвержены чувству незащищенности или комплексу неполноценности. В первом случае политические институты и практика воспринимаются как более-менее приемлемые, которые можно слегка подправить в свете сравнений с другими странами. Во втором случае вероятность учёта чужого опыта понижается, поскольку политический порядок в данных странах ощущается как временный, а политические дискуссии не могут служить основанием для перемен.

Смысл демократизации обсуждается в трудах по демократическому транзиту. Для них характерно усиление релятивизма и интерес к нормативной проблематике. Данные тенденции упрощают проблему и искажают реальность.

В литературе по демократическому транзиту переход от одного типа политического устройства к другому обычно сравниваются более-менее однопорядковые страны. Однако нельзя сводить опыт одного государства к сходству или отличию от другого, принимаемого за эталон. Все государства (большие, средние и малые) равны. Никаких эталонов с сравнительной политологии не существует. Только при принятии этой посылки исследование может быть сравнительным в подлинном смысле слова. Например, если аргументация, выработанная в стране *B*, толкуется в пользу страны *A*, то её надо уравновесить противоположной концепцией с равным набором контраргументов и доводов⁵. Сравнительное исследование требует «насыщенных» интерпретаций каждого случая. Такие интерпретации требуют концептуальной проработки и соответствующих методов. В стабильных и безопасных государствах сбор данных и проверка гипотез не встречает препятствий. Но те же самые процедуры становятся двусмысленными, когда они проводятся в неустойчивых и раздираемых конфликтами государствах, сверхчувствительных к результатам сравнительного исследования, способного разбалансировать их внутреннее равновесие.

Любые сравнения несут явную *нормативную нагрузку*, что зафиксировано в литературе. Причём, нормативная нагрузка встроена в творческую лабораторию анализа. Ценностный характер сравнительных исследований впервые проявился в период перехода Португалии и Испании от диктатуры к демократии. Там возник диалог между политологами и политиками⁶. В русле этой стратегии создан набор легитимных «правил игры», заложивших основы испанской демократии и предотвративших иной выбор политического строительства. Успех

⁵ Например, каждое из правительств Аргентины, Чили и Уругвая может предоставить доводы в пользу своего особого образца взаимоотношений армии и общества, тогда как при внимательном сравнительном изучении этой аргументации можно обнаружить её ограниченность.

⁶ Диктаторский характер режима Франко известен. Поэтому многие испанские демократы были уверены, что им следует работать на «демократический прорыв», т. е. что демократия может и должна быть завоёвана посредством массовой мобилизации «снизу». Тогда как сравнительный анализ приводил политологов к противоположному выводу: возможен переход к демократии посредством переговорного процесса с элитой, в ходе которого старый режим допустит возможности построения нового, а антидиктаторская оппозиция утратит свой радикализм. Такой подход создал инструменты, с помощью которых предоставлялись права одним группам и ограничивались права других.

переговорного процесса в Испании способствовал распространению этой практики в других странах и его теоретическому осмыслению. В аналогичном русле проведены сравнительные исследования процессов демократизации в Южной Америке. Отделение факта от оценки при этом не требуется.

Нормативное содержание компаративистики находится в сложном переплетении со структурой анализа, сила которого черпается из точного отражения главных тенденций политического процесса и из строгих научных или методологических оснований. Причём, для современной критической сравнительной транзитологии характерен акцент на степень демократизации общества, а не политического режима.

Сочетание релятивизма и нормативности помогает уберечь такую работу от вырождения в новую правящую идеологию. Поскольку исследователи работают не с окончательными результатами, их ангажированность проявляется в постановке вопросов, а не в определённых ответах на них. Спрос на сравнительную интерпретацию высок, однако требования к научной строгости компаративных исследований пока низок. Л. Уайтхед считает, что категории «интуиция», «суждение» и «убедительность» не менее нужны для сравнительной политологии, чем критерии научной работы (точность определений, формальные доказательства и прогностическая способность). При проведении сравнительных исследований следует выбирать методы, позволяющие добиться объективного подтверждения обобщающих объяснений. Но соотношение методов варьируется в зависимости от задач.

Короче говоря, для объяснения демократизации требуется в равной степени толковательное мастерство историка-компаративиста и логико-дедуктивное мышление специалиста по теории игр. Способом соединения таких подходов является тщательное исследование контекста. Для этого требуется применять такие познавательные действия, как сканирование, синтез множества источников и характеристик информации, корректировка понятий в соответствии с опытом.

Основными потребителями сравнительных исследований демократизации являются не технические специалисты, а руководители политических сообществ, не имеющих опыта самоуправления. Они могут быть юристами, журналистами, лидерами общин, чиновниками. Речь идёт о представителях всех профессий, которые способствуют развитию навыков убеждения и обобщения, и умеют вести повседневную работу в условиях социальной неопределённости. По мере развития процесса демократизации такие социальные группы срастаются во все более авторитетный политический слой, который стремится понять причины трудностей, а этого можно достичь в результате сравнительного политического анализа.

Стало быть, господствующий стиль сравнительного анализа при объяснении процессов демократизации может быть особенно близок новым заказчикам и пользователям таких исследований. Они должны обладать не только профессиональными навыками, но уметь также извлекать уроки из политического опыта. Этот опыт свидетельствует, что демократизация — сложный и длительный процесс социального общения и убеждения. Для его объяснения не годятся позитивистские или детерминистские схемы. «Более того, поскольку трудно ожидать появления предсказуемых закономерностей, можно предположить рост спроса на нормативно обоснованные интерпретации» [Политическая наука... 1999: 351].

Для проведения сравнительных исследований процессов демократизации надо учитывать результаты анализа следующих проблем: предсказуемость и случайность в сравнительном политическом анализе; методы оценки и сравнения сложных динамических политических процессов; создание и проверка теории; отношение между «объективностью» и «научным статусом» результатов компаративных исследований и демократическими ценностями; выработку практических рекомендаций для политиков-практиков. Из-за недостатка места мы опускаем эту проблематику. Подчеркнём лишь наиболее важные для нашего исследования моменты.

Макрополитические изменения (к которым относится демократизация) лучше всего описываются рефлексивной моделью, в соответствии с которой движущей силой изменений является диалог или спор. Речь идёт о такой социальной ситуации, в которой развёртываются процессы неопределённости, дискурсивной открытости, сосуществования соперничающих субъективных взглядов при одновременном поиске убедительных объяснений и культивирования высоких научных стандартов. Данная ситуация означает, что политологии есть что сказать по социально значимым проблемам. Политология допускает методологический плюрализм, высоко оценивает своих предшественников в философии и гуманитарных науках, одновременно претендуя на статус «науки»⁷. Язык, история и знание контекста образуют составные части процесса построения политической теории, в которой требуется сочетание строгости и соразмерности.

Таким образом, при изучении процессов демократизации невозможно создать адекватную модель объяснения без знакомства с демократическими нормами, принципами и ценностями, необходимыми для структурирования возникающего политического порядка. Сравнительное исследование процессов демократизации включает в себя определённые демократические нормы (соразмерность, гармония, знание контекста, способность соотносить происходящее с демократическими ожиданиями).

Международные отношения

Из этой обширной темы мы возьмём только те моменты, которые подчёркивают значение контекста и переосмысления роли государства.

Внимание к контексту обусловлено ключевым фактом: западная советология и политология не смогла предсказать окончание холодной войны и развал Советского Союза. Р.О. Кеохейн пишет: «Сам факт отсутствия теорий, позволяющих понять последствия окончания холодной войны для мировой политики, определёнno должен привести нас к смирению. В этом смысле мы сравниваем себя в невыгодном свете с учёными, объясняющими последствия столкновения небесных тел. Наше нынешнее смятение также подтверждает бессмысленность заявлений о наличии науки о политике, к которой на свой страх и риск не прислушиваются политики. Мы не владем секретом успеха во внешней политике» [Политическая наука... 1999: 439]. Речь идёт о неспособности политологов предсказать события малого и большого масштаба. Отсюда вытекает, что накопление обобщений не ведёт к успешному предсказанию событий. Все обобщения в политической науке являются условными и вероятностными, сопровождаются большей или меньшей неопределённостью. В целом модель науки как теории, предсказывающей все более и более точно и основанной на возрастающем числе подтверждённых выводов, не подходит к сфере международных отношений.

Но есть идеал объективного знания, к которому надо стремиться. Для этого можно использовать научные методы: попытки делать выводы в соответствии с общепринятыми правилами, ясно формулируемые гипотезы, открытое перечисление фактов, оценки степени

⁷ Л. Уайтхед опирается на динамическую модель У. Растоу как наиболее подходящий метод оценки и сравнения сложных и динамичных макрополитических процессов. А в качестве примера рассматривает следующие обобщения: 1) существует два несомненных пути распада авторитарной коалиции, открывающих дорогу возможной демократизации: кризис преемственности при передаче власти; поражение в военных действиях за пределами страны; 2) демократизация в данной стране будет проходить при влиянии результатов аналогичных процессов в государстве, доминирующем в регионе; 3) там, где формирование государственности уже завершено (т. е. территория надёжно защищена и национальная идентичность достаточно сформирована), укрепление демократии будет проходить значительно легче, чем там, где формирование государственности и демократизация протекает одновременно. «Хотя такие высказывания могут звучать двусмысленно и расплывчато и ведут лишь к „смутным“ и „качественным“ высказываниям вероятностного свойства, на деле они обеспечивают определённую основу для прогноза и широкие рамки для интерпретации. Такие обобщения все же лучше, чем предсказания тех, кто делает выводы на основе опыта лишь одной страны» [Политическая наука... 1999: 353].

неопределённости, связанной с гипотезами, попытки отыскать опровергающие свидетельства. Главную задачу Р.О. Коохейн усматривает в разработке *альтернативы* принципу фальсификации К. Поппера и И. Лакатоса.

На этом пути для понимания международных отношений следует учитывать контекст, выводы описательного плана и на этой основе формулировать вероятностные причинно-следственные высказывания. Проиллюстрируем этот общий тезис на примере отношения к государству, которое в XX в. начало претендовать на ранг универсального контекста социального бытия.

Пересмотр роли государства. Приход к власти А. Гитлера в Германии и вторая мировая война привели к возрождению политики с позиции национальных интересов и силы. Эта политика в политологии квалифицируется как реализм, который господствовал в период холодной войны. Основными теоретиками реализма были Дж. Кеннан, У. Липпманн, Х. Моргантау и К. Уолтц. Характеристика Уолтцом реализма как *неореализма* или *структурного реализма* обеспечила основу понимания мировой политики с реалистических позиций и отправную точку для его критиков.

По мере формулировки принципов реализма становилось явным его несоответствие реальности. Интернационализация мировой экономики привела промышленно развитые демократические страны в состояние «комплексной взаимозависимости». Это состояние включает множество проблем мировой политики, множество акторов и определение силы как неэффективного средства для решения проблем. Комплексная взаимозависимость — это идеальный тип, но чем ближе к нему оказывается действительность, тем менее подходящей становится политика с позиции силы.

Р.О. Коохейн описывает следующие факторы взлёта и падения реализма:

1. Государство уже не играет доминирующую роль в мировой политике. Возросло значение транснациональных отношений в противовес межгосударственным. Транснациональные формы коммуникации (от вещания на коротких волнах и спутников связи до Интернета) ослабили контроль государства над информационным потоком. Прямые иностранные инвестиции означают активное присутствие транснациональных корпораций во всех уголках мира. Понимание суверенитета как контроля над населением на чётко обозначенной территории поставлено под сомнение возможностями влиять на государство извне для решения широкого круга проблем (от прав человека до охраны окружающей среды).

2. Существует принципиальное различие между поведением в мировой политике либеральных демократий и стран с недемократическим правлением. Либеральные демократии практически не воюют между собой. Судебные инстанции либеральных демократических стран вступают в диалог, толкуя решения друг друга на основе общепринятых принципов законности. Но к решениям судов авторитарных государств либеральные демократии относятся по-разному. Способность либеральных демократий включаться в деятельность международных институтов существует благодаря их открытости и возрастающему доверию к их обязательствам. Различия в поведении демократических и недемократических государств ставят под вопрос теорию, которая рассматривает государства как единицы международной системы. Данная теория трактует поведение США и СССР в период холодной войны как похожее. Но при этом недооценивается тот факт, что политические альянсы, образованные Соединёнными Штатами и Советским Союзом, были принципиально различны. НАТО является добровольным союзом, основанным на стимулах и общих ценностях. Варшавский Договор был принудительным, основанным на соглашениях режимов, удерживавшихся у власти силой оружия. Вопреки предсказаниям теоретиков реализма, НАТО существует и поныне. Тогда как Варшавский Договор распался.

3. Изменилась роль международных институтов в мировой политике. С помощью реализма оказалось невозможным объяснить резкое увеличение числа и масштаба международных институтов, которое произошло после окончания второй мировой войны и продолжается

до сих пор. Правительства вкладывают материальные и символические ресурсы в поддержание и развитие таких институтов. В 1990-е годы Евросоюз стал самой высокоинституционализированной организацией в истории. Это не государство, а целостное образование с исполнительными, законодательными и судебными органами, с возрастающим числом законов прямого действия. НАТО является институтом безопасности и одновременно сильнейшим и наиболее прочным альянсом в истории. Всемирная торговая организация (ВТО) пришла на смену Генеральному агентству по тарифам и торговле (ГАТТ), вобрав в себя все ранее существовавшие в мире правила проведения основных торговых операций. Роль Международного валютного фонда и Мирового банка вызывает споры. Но они также являются крупными бюрократическими структурами. Тот факт, что государства поддерживают эти международные институты, предполагает выполнение последними ряда функций в интересах этих государств.

С учётом этих процессов реализм в последнее время подвергся жёсткой критике. Его главные недостатки таковы: недостаточный учёт роли внутренней политики и международных институтов; переоценка роли государства как актора международной системы; неудовлетворительное объяснение изменений. Но поскольку большинство государств мира продолжают руководствоваться силой во внутренней и внешней политике, постольку увеличивается потребность учёта контекста. Для реализации этой задачи Р.О. Кеохейн формулирует три принципиальных соображения:

1. Выйти за рамки реализма при изучении взаимодействия внутренней политики и международных отношений, выявляя роль информации и институтов, но не отбрасывая центральных идей реализма. Надо пересмотреть утверждения относительно структур и необходимости, объяснить различные варианты выбора и выяснить, как работает принцип взаимности.

2. Связать воедино имеющиеся теории и сдерживать склонность к развязыванию «войны парадигм».

3. Нужна постоянная связь теории с эмпирической работой, направленной на реальные международные проблемы, которая не тормозится ожиданием открытия общих закономерностей, а сопровождается тесными контактами социальной науки с историей, использованием стратегического анализа, контекстуально ориентированной теории игр, стремлением понять особые события в свете общих принципов. Чтобы политическая теория не превратилась в набор догм, её следует «заземлить на реальность сегодняшнего дня» [Политическая наука... 1999: 448].

Выводы

Для конституирования нашего подхода к проблеме политического контекста важны конкретные итоги анализа данной проблемы в политической науке 1960–1990-х гг.

Политический выбор зависит от социального контекста жизни индивидов. Демократический гражданин существует в контексте ограничений реального мира, которые производят граждане, выступая в роли собирателей и толкователей политической информации. Политический контекст всего периода «модерна» не является однородным. Оперирование оторванными от контекста данными и предвзятыми выводами о поведении избирателей привело к тому, что электоральный анализ не позволил понять множественность способов политического мышления и действия.

Модернистский характер исследований политического поведения выражается в широкой трактовке демократизации, слишком общих выводах, приоритете количественных исследований, монизме методов, маргинализации социальных меньшинств, поисках единого оптимального алгоритма решений, «инженерной» трактовке знаний, признании системной природы развития познания, поляризованных антиномиях.

С 1980-х гг. прослеживается тенденция отхода от общей теории за счет выдвижения контекста на первый план. Новое направление компаративистики ориентировано на культурную специфику различных стран и на контекст политических явлений и процессов. Этот способ сравнения больше подходит для решения проблем развития демократии и политической теории.

После распада Советского Союза на всем постсоветском пространстве появились новые заказчики политологических исследований, которые более требовательны к контекстуальным особенностям страны. В данном пространстве развёртываются процессы, которые более-менее соответствуют бывшим однопартийным государствам Африки и Латинской Америки: зависимость сравнительного анализа от различия языковой среды ведёт к тому, что ключевые понятия «государство», «гражданское общество» и «правовое государство» получают различный смысл; различие между имперскими элитами и новыми политическими группировками ведёт к тому, что данные элиты не хотят ставить вопросы нормативного характера, а новые политические группировки стремятся сочетать методологический позитивизм с аморальным и недемократичным стилем силовой политики.

В результате вероятность учёта демократического опыта понижается, поскольку политический порядок на постсоветском пространстве ощущается как временный, а политические дискуссии не являются основанием для перемен. Сбор данных и проверка гипотез становятся двусмысленными в неустойчивых и раздираемых конфликтами государствах, сверхчувствительных к результатам сравнительного исследования, способного разбалансировать их внутреннее равновесие.

Для современной критической сравнительной транзитологии характерен акцент на степень демократизации общества, а не политического режима. Сочетание релятивизма и нормативности помогает уберечь такую работу от вырождения в новую правящую идеологию. Но поскольку формулировка предсказуемых закономерностей затруднена, возрастает спрос на нормативные интерпретации социальных и политических процессов.

Для описания процессов демократизации наиболее подходит рефлексивная модель, в соответствии с которой движущей силой изменений является диалог или спор. Язык, история и знание контекста образуют составные части процесса построения политической теории, в которой требуется сочетание строгости и соразмерности. Внимание к контексту обусловлено ключевым фактом: западная советология и политология не смогла предсказать окончание холодной войны и развал Советского Союза. В настоящее время политологи не владеют секретом успеха во внешней политике. Но приход к власти А. Гитлера в Германии и результаты второй мировой войны привели к возрождению политики с позиции национальных интересов и силы. Данная политика претендует на универсальный контекст политических исследований.

Политическая наука... 1999. *Политическая наука: новые направления*. Под ред. Р. Гудина и Х.Д. Клингемана. Научн. ред. русск. изд. проф. Е.Б. Шестопаля. — М.: Вече. — 815 с.

Шумпетер Й. 1995. *Капитализм, социализм и демократия*. — М.: Экономика. — 540 с.